

И.А. АГГЕЕВА

КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ В СОВЕТСКО-КАНАДСКИХ ОТНОШЕНИЯХ в 1950-е – начале 1960-х годов. По новым архивным материалам

Роль культурных связей в международных отношениях периода “холодной войны” относится к темам, которые еще недостаточно изучены. Контакты в сфере культуры между СССР и Западом в годы “холодной войны” зачастую представляются или в качестве неизбежной жертвы политической и идеологической конфронтации, или отождествляются с пропагандой. И то и другое – не всегда справедливо. Опыт советско-канадского культурного сотрудничества, в частности, периода 1950 – начала 1960-х годов отражает зависимость контактов в этой области от общего курса внутренней и внешней политики обоих государств, однако при его анализе предстает в качестве явления более сложного, неоднозначного и многофакторного.

Не преувеличивая значения советско-канадских культурных связей в изучаемый период, можно отметить, что сопоставление позиций правительств Советского Союза и Канады в этом вопросе, участие государственных институтов в культурных обменах, влияние культурного сотрудничества на политику и международные отношения в целом, вовлечение в этот процесс представителей культурного сообщества, механизм организации культурного взаимодействия свидетельствуют о многообразии культурного процесса. Изучение этого механизма и является целью автора данной статьи.

Недавние публикации советских архивных документов воссоздают картину партийно-государственного руководства культурой¹. Задачи советской культурной дипломатии возлагались на Министерство культуры СССР, которое “свою работу по культурному обмену с капиталистическими странами проводило на основе указаний ЦК КПСС о необходимости восстановления и дальнейшего развертывания культурного сотрудничества со всеми странами по всем возможным направлениям как одного из условий длительного мирного сосуществования государств различных систем и укрепления мира между народами”².

Канадское направление советской внешней политики в области культуры подчинялось общим правилам и директивам и отражало специфику советского понимания места Канады в мировой политике в тот период. Двусторонние культурные связи предстают в деталях в документах, сосредоточенных в Российском государственном архиве литературы и искусства. Это материалы Министерства культуры СССР (его управления по внешним сношениям), Госконцерта, Государственного комитета по культурным

Аггеева Ирина Андреевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ №08-01-00058а.

¹ Идеологические комиссии ЦК КПСС. 1958–1964. Документы. М., 1998; Культура и власть. Аппарат ЦК КПСС и культура. 1958–1964. Документы. М., 2005.

² Российский государственный архив литературы и искусства (далее – РГАЛИ), ф. 2339, оп. 8, д. 674, л. 1.

связям с зарубежными странами, личные архивы деятелей культуры, участвовавших в советско-канадских культурных мероприятиях, записки, отчеты, переписка, доклады, циркуляры, рекламные проспекты. Большинство этих документов еще не попадало в сферу внимания исследователей и приводится впервые.

Начало советско-канадских культурных связей относится ко времени Второй мировой войны, когда военное сотрудничество между союзниками по антигитлеровской коалиции привело к установлению в 1942 г. дипломатических отношений между СССР и Канадой. На многолюдном митинге в Торонто в июне 1943 г. было объявлено о создании общества канадо-советской дружбы, установившего тесное сотрудничество с советским Всесоюзным обществом по культурным связям с заграницией (ВОКС). Это событие приветствовали премьер-министр Канады У.Л. Макензи Кинг и советский посол Ф.Т. Гусев. Культурные контакты имели характер, ограниченный военными, информационными и политико-пропагандистскими целями.

Двусторонние отношения особенно пострадали после того, как в сентябре 1945 г. из советского посольства в Оттаве бежал шифровальщик И.С. Гузенко, выдавший секреты советской разведки. Это событие получило большой международный резонанс. Симпатии и интерес, который испытывали канадцы к СССР в годы Второй мировой войны, сменились откровенной неприязнью. Политический скандал в двусторонних отношениях привел к их свертыванию и отзыву обеими странами своих послов. Как признавали в министерстве иностранных дел СССР, официальные контакты в период 1946–1953 гг. находились на самом низком уровне, а “торговые отношения и культурные связи между странами полностью прекратились”³.

В Москве такое положение объясняли подчинением Канады “агрессивному курсу” США и крайне враждебной антисоветской позицией канадских властей. В отсутствие нормальных межгосударственных отношений советское правительство стремилось получить выход на канадские общественные организации, деловые круги, движение сторонников мира и профсоюзные и женские комитеты, однако ограниченность таких возможностей и антикоммунистические настроения участников этих движений делали эти усилия неэффективными. На московское международное экономическое совещание 1952 г. приехали всего шесть канадцев, одним из которых был корреспондент газеты “Ле Девуар”, адвокат П.Э. Трюдо⁴, будущий крупный политический деятель Канады. Вернувшись на родину, Трюдо опубликовал ряд статей, в которых высказался о Советском Союзе с интересом и долей сдержанной симпатии. Став впоследствии премьер-министром Канады, Трюдо в 1971 г. подписал с СССР межгосударственное соглашение об обменах.

После смерти Сталина советское правительство предприняло шаги по нормализации советско-канадских отношений. В октябре 1954 г. в Канаду прибыл советский посол Д.С. Чувахин, в начале 1955 г. в Москве вручил верительные грамоты канадский посол Д.Д. Уоткинс. В 1955 г. министр иностранных дел Канады Л. Пирсон посетил Советский Союз в качестве гостя советского правительства. Пирсон, наряду с международными проблемами, обсуждал вопросы двусторонней торговли. Переговоры были продолжены в Оттаве и завершились подписанием 23 февраля 1956 г. торгового соглашения (сроком на 3 года), которое “установило взаимное предоставление режима наибольшего благоприятствования в области торговли и судоходства”; впоследствии оно регулярно продлевалось⁵.

Как отмечали советские эксперты, взаимная торговля объективно не имела большого потенциала для развития: “В виду общности географических условий Канады и

³ Архив внешней политики Российской Федерации (далее – АВП РФ), ф. 06, п. 14а, д. 223, л. 2.

⁴ Российский государственный архив социально-политической истории, ф. 82, оп. 2, д. 748, л. 64; д. 749, л. 200.

⁵ АВП РФ, ф. 99, оп. 38, д.13, л. 56.

СССР... обе страны во многом располагают одинаковыми экспортными ресурсами, а именно, сырьевыми товарами”⁶.

Однако соглашение было выгодно обоим странам: Советский Союз добился включения в этот документ важной для себя статьи о судоходстве. Канада, несмотря на обусловленное “холодной войной” непростое обсуждение этого проекта в правительственных и общественных кругах, приобретала ощутимые выгоды. Главный интерес для Канады представляло приложение к соглашению о взаимной торговле, в котором СССР давал “согласие на ежегодную закупку в Канаде пшеницы и других канадских товаров на сумму стоимости 400 тысяч тонн пшеницы”⁷.

Обязательство Советского Союза закупать канадскую пшеницу (данное раньше, чем были заключены соответствующие соглашения с США) было весьма выгодным для Канады как крупнейшего в мире экспортера зерновых; оно стало решающим аргументом в пользу последнего неоднократного продления торгового соглашения.

Что касается СССР, то, как свидетельствуют документы Российского архива экономики, надежды советской стороны получить возможность покупать в Канаде высокотехнологичные товары, в частности навигационное оборудование, а также найти рынок сбыта для советской нефти, самолетов и других товаров, в условиях “холодной войны” не оправдались. В результате, в торговом балансе СССР с Канадой возникла “резкая несбалансированность ввиду значительного превышения” советского импорта над экспортом⁸.

Политические отношения между СССР и Канадой в середине 1950-х годов вошли в нормальное русло. Между двумя странами началась взаимная торговля; появились возможности для возобновления культурного сотрудничества. В обеих странах этот период совпал с весьма важными переменами. В СССР разоблачение культа личности Сталина сопровождалось оттепелью в общественной и культурной жизни. В Канаде усилились позиции политических сил, обеспокоенных чрезмерной и всесторонней американизацией страны. Главным проводником канадского курса экономического и политического “национализма”, неизбежно приобретавшего антиамериканские черты, стало консервативное правительство Дж. Дифенбейкера (1957–1963 гг.). Началось формирование государственной культурной политики, направленной на всемерное поощрение национальной идентичности, искусства, театра, кино, литературы. Государственная корпорация “Совет Канады” получила средства на выплату грантов и стипендий частным лицам, творческим коллективам и организациям. Совпадение процессов, происходивших в культурной жизни Канады и СССР, дало советско-канадскому культурному взаимодействию дополнительный импульс.

В апреле–мае 1954 г. по приглашению Общества канадо-советской дружбы Канаду посетила группа советских артистов: пианист П. Серебряков, певцы Е. Чавдур и А. Фринберг, скрипач Л. Коган, артисты балета С. Головкина и Л. Жданов. Они дали 15 концертов в крупнейших городах страны, “кроме Монреаля, где фашиствующие местные власти запретили выступления советских артистов”⁹. На концертах присутствовали около 30 тыс. зрителей. Как подсчитали сотрудники советского посольства, канадская печать опубликовала около 200 статей и рецензий о советском искусстве, в которых гастроль представляли событием, открывающим советских артистов как художников высокого мастерства и вообще “нормальных людей”. Артистов очень хорошо встречали, на концертах присутствовали руководящие работники правительственных учреждений, представители общественных организаций, самая широкая

⁶ Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ), ф. 413, оп. 13, д. 7996, л. 46.

⁷ Там же, д. 8507, л. 79.

⁸ АВП РФ, ф.99, оп. 38, д. 13, л. 5.

⁹ Имеется в виду националистическое правительство провинции Квебек и его глава М. Дюплесси. – РГАЛИ, ф. 2329, оп. 8, д. 128, л. 32.

публика¹⁰. Резонанс, который получили выступления впервые выехавших в Канаду советских мастеров культуры, был очень широк. Начало непосредственным человеческим контактам в области культуры между двумя странами было положено.

В 1956 г. в ходе гастрольной поездки в США в Канаду выезжал прославленный виолончелист М. Ростропович, который дал два сольных концерта в Торонто и Монреале. Излишне говорить об их грандиозном успехе и о том удовольствии, с которым канадцы восприняли слова великого музыканта: “У меня до сих пор сохранилось в памяти, как тепло и сердечно принимали меня, посланца советской культуры, канадские слушатели. Я навсегда запомню Канаду с ее величественной природой и широкими просторами и замечательным народом, обладающим таким большим и добрым сердцем”¹¹.

Пока великий артист делал свое дело, сопровождавший его в поездке старший инспектор управления внешних сношений министерства культуры СССР Э.А. Иванян (ныне известный ученый-американист)¹² вместе с работником посольства, представителем ВОКС в Оттаве А.С. Товстоганем и канадцами Д. Бойдом и Д. Мейерсом из гастрольно-концертной фирмы “Джером” обсуждал возможности развития культурных обменов между двумя странами. Канадцы поделились планами организации гастролей ряда имеющих мировую известность советских исполнителей и коллективов (в частности, ансамбля под руководством И. Моисеева, Э. Гилельса), однако высказали сомнение в том, что правительство Канады даст на это свое согласие. Однако они полагали, что “отказ правительства послужит на руку прогрессивным организациям, которые будут иметь основания выступать против политики правительства”¹³.

Канадцы и работник советского посольства убеждали специалиста министерства «в необходимости оказывать регулярную материальную помощь прогрессивным организациям Канады путем направления в Канаду советских исполнителей через компанию “Джером” и перечисления ей больших комиссионных»¹⁴.

Реакция Иваняна говорит об утверждении в Москве прагматичного подхода к организации зарубежной гастрольной деятельности. Он высказался против “странных”, псевдо политических соображений и ведения переговоров с компанией, “имеющей коммунистическую репутацию”, что создаст риск их срыва и убыточности, “только для того, чтобы дать прогрессивным организациям Канады предлог для выступлений против правительства”. Докладывая руководству о перспективах двусторонних культурных связей, Иванян поддержал их развитие “на коммерческой основе через концертные компании”. В отличие от мероприятий, которые организуют общества культуры, мероприятия на коммерческой основе посещаются широкими массами, “в основном ничего не знающими о нашей стране, или имеющими превратное представление о ней”. Это намного эффективнее и во всех смыслах выгоднее для советской стороны. “Ведение переговоров по такого рода мероприятиям в области культуры должно вестись представителями государственных учреждений, а не общественности, каким является ВОКС”. Необходимо ориентироваться на профессиональных импресарио, таких, как С. Юрок в США, распространять рекламные материалы, буклеты о советском искусстве¹⁵.

Мнение о нецелесообразности ориентироваться в развитии культурных обменов на Общество канадо-советской дружбы подтверждали и канадские коммунисты, по советской терминологии “друзья”, которые оставались для Москвы важным источником

¹⁰ Там же, оп. 29, д. 3, л. 1–15; д. 128, л. 32.

¹¹ Там же, оп. 8, д. 508, л. 50.

¹² См.: *Иванян Э.А.* Когда говорят музы. История российско-американских культурных связей. М., 2007.

¹³ Имеется в виду либеральное правительство Л. Сен Лорана (1948–1957 гг.). – РГАЛИ, ф. 2329, оп. 8, д. 199, л. 23.

¹⁴ Там же, л. 24–25.

¹⁵ Там же, л. 26–27.

информации о внутреннем положении и внешней политике этой страны. В декабре 1956 г. Генеральный секретарь Рабочей прогрессивной партии Канады (коммунистической) Т. Бак, находясь в Москве, встретился с председателем правления ВОКС А.И. Даниловым для обсуждения “возможностей расширения канадо-советских культурных обменов”. Бак сообщал, что в последние два года Общество утратило свое значение. Почти все функции Общества, в том числе прокат фильмов и распространение советской литературы, отошли к другим, более массовым профсоюзным, эмигрантским, коммерческим объединениям, привлекающим больше людей, чем общество, которое “в известной мере отмечено духом сектантства”, и которое “следует ориентировать, прежде всего, на проведение просветительской и разъяснительной работы о Советском Союзе”. Говоря о культурных обменах, Бак подчеркнул, что “для работы в этой области сейчас наличествует благоприятная обстановка. Однако эта работа ни в коем случае не может проводиться через Общество канадо-советской дружбы, которое в представлении большинства либеральной интеллигенции является открыто коммунистической организацией”. Бак сообщал, что к нему обращаются известные в Канаде деятели культуры, которые хотели бы посетить Советский Союз с целью удовлетворить свои профессиональные интересы, но при условии, “если найдется организация, не связанная с коммунистами, которая сможет организовать такую поездку”¹⁶.

Определенным эхом этого обсуждения можно считать статью одного из руководителей канадской компартии Л. Морриса, опубликованную в начале 1957 г. в газете “Канэдиен трибюн” под заголовком: “Для нашего нового Совета Канады появилась работа первостепенной важности. Снимите правительственный запрет с культурных обменов”. Статья была приурочена к парламентскому обсуждению государственной политики в области культуры¹⁷. Автор призвал развивать культурные связи между двумя странами и приветствовал предстоящие гастроли в СССР канадского пианиста Г. Гульда. В то время трудно было предположить, какую важную роль сыграет Гульд в культурных отношениях двух стран.

Гульд, выдающийся канадский пианист, гениальный интерпретатор Баха, писатель и философ, в 1957 г. 25-летний талантливый молодой человек, был уже известен за пределами своей родины. С предложением об организации гастролей Гульда в советское посольство обратился его импресарио В. Гомбургер, посчитавшей такую поездку удачным началом для первого европейского турне пианиста. Контракт на гастроли был заключен с Министерством культуры СССР в конце 1956 г.

Гульд совершил турне по СССР с 5 по 20 мая 1957 г., дал по 4 сольных концерта в Москве и Ленинграде, встретился с советской музыкальной общественностью и студентами консерваторий обеих столиц. Восторг, с которым канадца принимала советская публика, не поддается описанию, известны самые высокие оценки, которые дали Гульду такие мастера, как С. Рихтер и Г. Нейгауз.

Однако профессиональная сторона творчества Гульда – удел музыковедов. Историкам интересно, как были организованы гастроли с политико-административной точки зрения и какую роль сыграли в двусторонних отношениях. Главное, это был первый канадский и вообще североамериканский музыкант, прибывший на гастроли в Советский Союз с начала “холодной войны”. Советские эксперты отмечали, что, “как ни странно, но до настоящего времени в СССР канадские артисты никогда не выступали”¹⁸. Публика буквально ломилась на концерты Гульда – зрители стояли в проходах и в дверях.

Гастроли Гульда стали первым опытом взаимодействия, с одной стороны, канадского импресарио Гомбургера – частного лица и делового человека, а с другой, – советской государственной административной машины. Программа выступлений

¹⁶ Российский государственный архив новейшей истории (далее – РГАНИ), ф. 5, оп. 28, д. 424, л. 2–3.

¹⁷ The Canadian Tribune, 25.II.1957.

¹⁸ РГАЛИ, ф. 2329, оп. 8, д. 507, л. 17.

Гульда была предварительно согласована Гомбургером с Министерством культуры СССР (его в 1955–1960 гг. возглавлял Н.А. Михайлов) и более высокими “инстанциями”. В Советском Союзе приезду зарубежных артистов предшествовала длительная партийно-бюрократическая процедура, которая включала обязательную экспертную оценку художественного уровня и мастерства претендента на гастроль, качества его репертуара и программы, их соответствие советским моральным и художественным критериям, вкусам отдельных чиновников. В начале марта 1957 г. из советского посольства в Оттаве начальнику отдела стран Америки и Англии Управления внешних сношений Министерства культуры СССР В.А. Бони были направлены программы сольных выступлений Гульда. Программы были снабжены следующим комментарием: “Эти программы были составлены Гульдом с учетом Вашей последней просьбы и являются окончательным вариантом. К сожалению, он не смог удовлетворить всех Ваших пожеланий, так как произведения Шопена им исполняются очень редко. Что касается вариаций Гольдберга (2-я программа), то они пользуются на этом континенте большим успехом”¹⁹.

Многоступенчатое прохождение и согласование писем и докладных записок по советским бюрократическим коридорам в сочетании с политическим и идеологическим контролем серьезно осложняло двусторонние культурные обмены. К иностранцам применялись те же строгие морально-художественные критерии, что и к советским артистам. Культурные мероприятия оформлялись отчетами советских участников или переводчиков. Утвержденные планы культурных обменов и канадские контакты советских артистов получали, при необходимости, оценку советских “компетентных органов”.

Например, молодой канадской певице Т. Стратас²⁰ не удалось в 1963 г. (в свою вторую поездку в Советский Союз) выступить на сцене театра оперы и балета г. Новосибирска, о чем настоятельно просила дирекция театра. На внутриведомственном письме по этому вопросу есть негативная резолюция²¹.

Стратас успешно выступила в Большом театре в партии Татьяны в “Евгении Онегине”, но оказалась плохим “дипломатом”, позволив себе “неэтичность поведения” и “бестактность в своих замечаниях в отношении условий жизни в Советском Союзе, качества советских товаров и обслуживания в гостиницах и ресторанах”, чем вызвала неудовольствие советской стороны²².

Гульд, напротив, произвел в Москве самое благоприятное впечатление. Бони характеризовал Гульда следующим образом: “Молодой талантливый пианист, полностью отдающийся своему искусству, человек, для которого внешний мир почти не существует. Все свободное время Гульд отдает изучению музыкальных произведений (в основном Баха), чтению философии схоластика и произведений своего любимого писателя Достоевского. Все это находит большой отклик в его душе”. Гульд “охотно делится своими впечатлениями о своей поездке в Советский Союз. Гульд говорит, что, несмотря на невозможность посмотреть все достопримечательности Москвы и Ленинграда из-за сильной загруженности концертами, он увозит самые замечательные впечатления о своей поездке в СССР. Самое замечательное в Вашей стране, говорит Гульд, это люди, у которых есть цель в жизни, и эта цель едина. Я вижу, что у Вас еще есть много недостатков, такие, например, как плохое обслуживание в ресторане, плохое оформление витрин, магазинов, внешний облик ваших людей желает быть лучшим – но вместе с Вашим народом я верю, что эти недостатки временны и, может быть, в свой следующий приезд в Вашу страну, я их уже не увижу. ...Ему действительно хочется приехать в СССР еще раз, но не только с концертами, а просто отдохнуть

¹⁹ Там же, л. 15.

²⁰ Тереза Стратас – сопрано, мировая оперная звезда, исполнительница главной роли в фильме Ф. Дзеффирелли “Травиата”.

²¹ РГАЛИ, ф. 2329, оп. 9, д. 407, л. 11.

²² Там же, оп. 8, д. 2513, л. 1–4.

где-нибудь на юге и поближе познакомиться с жизнью советского народа”²³. Понятно, что Гульд как человек воспитанный, говорил то, что было приятно услышать советским хозяевам.

К сожалению, в Советский Союз Гульд больше не приезжал, хотя такие переговоры и велись. По причинам личного характера Гульд вообще недолго гастролировал вне Северной Америки. Свою роль сыграли и возросшие гонорарные требования его импресарио, за что Гомбургер получил сухую отповедь Министерства культуры СССР, готового предложить только прежние условия: “Мы думаем, что г. Гульд понимает, какую роль в его творческой карьере сыграла прошлогодняя гастрольная поездка в Советский Союз и мы уверены, что его повторное приглашение в СССР будет расценено как проявление интереса к выступлениям этого молодого пианиста... Однако условия гастролей Глена Гульда, выдвинутые Вами, для нас совершенно неприемлемы”²⁴.

Советская (русская) тема получила развитие в творчестве Гульда. Большой интерес представляют его размышления о музыке в Советском Союзе, о советской культуре и власти, русской культурной традиции в историческом контексте. О своих советских впечатлениях Гульд снял фильм, рассказывал о них в интервью. В 1964 г. Гульд прочитал в университете Торонто блестящую лекцию о музыке в Советском Союзе, опубликованную уже после его смерти²⁵. В этой лекции он выдвинул оригинальную концепцию развития русской культуры, причем не только музыкальной. Глубокие симпатии к русской культуре не помешали Гульду критиковать советскую систему.

Двухнедельный визит Гульда в СССР послужил для него стимулом к историко-культурным размышлениям о русских традициях; своими мыслями Гульд поделился с большой молодежной и профессиональной аудиторией. Музыкант рассказал о своем понимании основных принципов советской культурной политики, о полном контроле над содержанием и творческим процессом со стороны властей, об осуждении абстракционизма, о “бескомпромиссных бюрократических решениях” в отношении творческих людей²⁶.

Гомбургер, импресарио Гульда, первоначально получил положительную характеристику в советском посольстве, где оценили “серьезность его намерений” и желание содействовать “всеканадским” гастролям известных советских коллективов²⁷. Однако успех Гульда не позволил Гомбургеру закрепиться на советском “культурном рынке”. Впоследствии Гомбургер даже жаловался на то, что ему не предлагают заняться организацией советских гастролей, и он расценивает это как нарушение данного ему в 1957 г. обещания. Он даже сетовал на неблагодарность за открытие Гульда для советской публики²⁸.

В советских документах содержится такая характеристика Гомбургера: “Вальтер Гомбургер – замкнутый, сдержанный, расчетливый. Сам о себе никогда ничего не говорит. На все смотрит с точки зрения дельца. Гульд говорит, ... что не слышал от него откровенных разговоров... Гомбургер немецкий еврей, родился в Германии, его семья бежала от нацистов. Оказавшись в Канаде, был усыновлен богатой семьей, которая устроила его карьеру импресарио. С родителями, проживающими в США, не имеет ничего общего, относится, как к чужим людям. Пользуясь полным безразличием Гульда к деньгам, Гомбургер занимается его финансовыми делами по своему усмотрению. Своих впечатлений о поездке в СССР Гомбургер не высказывал, старался вообще избегать каких-либо серьезных разговоров, выходящих за рамки организации концертов Гульда”²⁹.

²³ Там же, д. 507, л. 59–60.

²⁴ Там же, д. 674, л. 68.

²⁵ *Гульд г.* Избранное, в 2 кн. М., 2009, кн. 1, с. 169–185.

²⁶ Там же, с. 170.

²⁷ РГАЛИ, ф. 2829, оп. 8, д. 507, л. 39–40.

²⁸ Там же, д. 2234, л. 37–38; д. 823, л. 44–45, 53, 58.

²⁹ Там же, д. 507, л. 60.

Роль своего рода канадского С. Юрока сыграл в культурных связях между Канадой и СССР не Гомбургер, а другой импресарио – Н.Ф. Кудрявцев. Он родился г. Николаеве близ Одессы, получил музыкальное образование, в 1919 г. 23-летним юношей покинул Россию, в 1930-е годы обосновался в Канаде, где создал собственную концертно-артистическую фирму³⁰. В архивной справке на Кудрявцева сообщалось, что тот «большим капиталом не располагает, однако добросовестно относится к своим обязанностям по контрактам. Связан деловыми отношениями с американской фирмой “Юрок Артистс” и “Коламбия Артистс”... Кудрявцев полностью сотрудничает с канадскими властями в деле организации гастрольных поездок советских артистов по Канаде, согласуя с ними свои действия и, насколько известно, получая соответствующие инструкции... Посол СССР в Канаде считает сотрудничество с Кудрявцевым крайне целесообразным»³¹.

В РГАЛИ сохранились письма Кудрявцева и записи его бесед с советскими дипломатами; он часто приезжал в Советский Союз и сыграл положительную роль в развитии советско-канадских культурных отношений. Переписка Кудрявцева с советскими учреждениями свидетельствует о различиях в обычаях, правилах этикета и культурных традициях. Однако стороны нашли взаимопонимание. Открытость и любезность Кудрявцева дополнялась его отличной деловой хваткой. Знание русского языка говорило в пользу сотрудничества с ним: переписка велась по-русски. В результате в Москве был сделан выбор в пользу Кудрявцева как главного партнера в культурном сотрудничестве с Канадой.

В справке Министерства культуры СССР “О культурных связях с капиталистическими странами в 1957 г. и мероприятиях на 1958 г.” Канада упоминалась как страна, с которой удалось “восстановить прерванные культурные отношения”, но пока не получилось “завязать деловые контакты с солидными антрепренерами”. Отмечалось также, что “в последнее время в Канаде чрезвычайно вырос интерес к культурным связям с Советским Союзом и сейчас есть надежда на их расширение”³².

В 1958–1961 гг. в Канаде выступили: Государственный ансамбль танца под руководством И. Моисеева; хореографический ансамбль “Березка”; концертный коллектив из 200 артистов “Русский фестиваль”; Государственный симфонический оркестр; Балет Большого театра; Государственный ансамбль танца Грузинской ССР; Балет Ленинградского театра оперы и балета имени Кирова; Краснознаменный ансамбль песни и пляски Советской Армии; другие выдающиеся советские исполнители. На концертах побывали тысячи зрителей, были написаны сотни газетных статей.

Из Канады в СССР приезжали: оперная солистка певица Л. Маршалл, пианистка М. Айрленд, дирижер Ж. Боудри, певица М. Форрестер. Каждая из этих поездок становилась большим событием, обрастала массой интересных подробностей и впечатлений.

Канадские гастролы совмещались с выступлениями в США. Такая практика объяснялась финансовыми соображениями и “минимизацией рисков” при поездках в Северную Америку больших коллективов и отдельных исполнителей³³. По мере развития советско-канадских двусторонних культурных связей в Оттаве стали придавать большое значение организации самостоятельного, независимого от американцев, культурного обмена с Советским Союзом. Этот вопрос многократно поднимался в 1958–1960-е годы представителями правительственных, культурных и общественных кругов Канады. Двигателем этого процесса стал Кудрявцев, который как деловой человек руководствовался своими коммерческими соображениями, но при этом опирался на широкие общественные настроения и поддержку советских учреждений.

³⁰ “Canadian Concerts and Artists Inc”.

³¹ РГАЛИ, ф. 2329, оп. 8, д. 1896, л. 162.

³² Там же, д. 674, л. 3–15.

³³ Там же, д. 508, л. 74.

15 июля 1959 г. советский посол в Канаде А.А. Арутюнян имел беседу с заведующим европейским отделом министерства иностранных дел Канады Г. Дэвисом. Дэвис “подчеркнул, что канадское правительство благоприятно относится к активизации культурных отношений между Советским Союзом и Канадой”. Он остановился на вопросе организации гастролей в Канаде через канадских импресарио. Основные аргументы канадца выглядели как коммерческие: при организации выступлений в Канаде Д. Ойстраха (с заездом из США) американская компания получит за свое посредничество многотысячные “премии”, и “канадская сторона не видит для этого оснований.... Они просят в дальнейшем наладить прямой контакт между канадским импресарио и Москвой, без посредничества Нью-Йорка в деле организации гастролей советских артистов и художественных коллективов”. Такой подход хорошо вписывался в умеренно “антиамериканский” экономический и внешнеполитический курс премьер-министра Дж. Дифенбейкера. Дэвис подчеркнул, что в министерстве иностранных дел в Канаде “придают этому делу принципиальное значение”³⁴.

Кудрявцев мог позволить себе выразить те же мысли без лишней дипломатии: “Почему канадские слушатели советской музыки должны платить дань американцам”? Они “сами в состоянии организовать в Канаде без посредничества американцев гастролерии крупных художественных коллективов”, к тому же такой порядок “непонятен с политической точки зрения”³⁵.

Тема культурной “независимости” Канады в советско-канадских культурных обменах регулярно поднималась канадцами при официальном общении с советскими представителями как в Оттаве, так и в Москве. Эта “культурная дипломатия”, несмотря на продолжавшуюся острую конкуренцию между канадскими и американскими концертными фирмами, приносила свои плоды. В Москве в конце 1960 г. было принято принципиальное решение о выделении канадского направления культурных обменов в самостоятельное и, по возможности, независимое от США. “Министерством культуры СССР были учтены замечания Посольства СССР в Канаде, а также пожелания канадской стороны о том, чтобы гастролерии советских артистов в Канаде впредь организовывались через канадских импресарио без посредничества американских фирм... Американские фирмы, согласно контрактам с Госконцертом СССР, не имеют прав на проведение гастролей в Канаде”³⁶.

В августе–сентябре 1961 г. в Канаде прошли концерты Краснознаменного ансамбля песни и танца им. А.В. Александрова, впервые организованные Кудрявцевым в сотрудничестве с прямым контрактом между его фирмой и Госконцертом СССР. Получив разрешение канадского правительства, 180 советских артистов на двух специальных самолетах прибыли в Ванкувер, откуда началось их триумфальное пятидневное турне с запада на восток Канады.

12 августа 1961 г. Кудрявцев направил новому министру культуры СССР Е.А. Фурцевой телеграмму: “Рад сообщить: первый концерт ансамбля Советской Армии на фестивале Ванкувере имел огромный феноменальный успех”³⁷. В советском посольстве в Канаде с удовольствием отметили, что гастролерии ансамбля Советской Армии проходили «в период довольно значительного обострения международного положения и враждебной пропаганды против Советского Союза в связи с раздуванием американскими империалистами т.н. “берлинского кризиса” и истерией во время испытания Советским Союзом ядерных бомб»³⁸.

Советский посол сообщал в Москву, что при встрече с ним начальник протокола МИД Канады Г. Дэвис “особо подчеркнул, что МИД Канады с удовлетворением отмечает, что гастролерии Ансамбля Советской Армии в Канаде организуются непосред-

³⁴ Там же, д. 1163, л. 11–12.

³⁵ Там же, д. 1896, л. 45.

³⁶ Там же, л. 173.

³⁷ Там же, л. 135–136.

³⁸ Там же, д. 2234, л. 49.

ственно канадским импресарио Кудрявцевым, а не через посредничество американских импресарио. ...Канадцы с удовлетворением отмечают появление на этом континенте Ансамбля Советской Армии, имеющего мировую славу и большой успех в Западной Европе, впервые в Канаде, а не в США, а потом заездом в Канаду. Дэвис рассматривает это как показатель того, что культурные связи между Канадой и СССР достигли высокого уровня и зрелости. Он говорил, что те канадские круги, которые стремятся к уменьшению зависимости от американских компаний, приветствуют выступление в Канаде крупного советского художественного коллектива непосредственно по приглашению с канадской компанией, а не через американские посреднические каналы, и выражают надежду, что эта линия будет продолжена³⁹. В Москве также отметили, что, “умело используя политическую обстановку, Кудрявцев привез в Канаду пекинскую оперу и добился согласия на организацию гастролей в Канаде Краснознаменного ансамбля Советской Армии, чем значительно укрепил свое финансовое положение и вес в деловых кругах”⁴⁰.

О канадских гастролях ансамбля Советской Армии писали не только в Канаде, но и в США: “Уже во второй раз канадцы привозят к себе грандиозный коммунистический аттракцион, не разрешенный к югу от их границ. В прошлом году это была Пекинская опера”, в этом году “красноармейский хор”⁴¹.

К концу 1950-х годов относятся первые переговоры между СССР и Канадой о возможности заключения соглашения о сотрудничестве в сфере культуры. Они тянулись долго, у каждой из сторон были свои соображения “за” и “против”. Канадцы желали видеть культурные обмены частью общего соглашения о сотрудничестве в области науки, образования, освоения Севера и т.д., что было неприемлемо для советской стороны в связи с оборонными соображениями, секретностью и закрытостью ряда территорий, представлявших интерес для канадцев. В результате несколько лет активное культурное сотрудничество протекало вне формальных межгосударственных договоренностей. Канадский дипломат А. Эндрю так сформулировал позицию официальных канадских кругов в этой связи: приветствуя культурные связи с СССР, они выражали “понимание, что культурный обмен с СССР не может быть на одинаковом уровне, но нужно, по крайней мере, соблюдать в этом определенную пропорцию. Целесообразно увеличить распространение информации о Канаде в Советском Союзе, включая книги, брошюры, а также показ документальных фильмов” и туризм⁴².

В ответ на канадские гастроли Краснознаменного ансамбля, в Советский Союз в 1962 г. прибыл Монреальский симфонический оркестр. Турне канадского коллектива организовала фирма Кудрявцева. Это было самое “политическое” из культурных событий в отношениях двух стран в тот период. Подготовка этих гастролей стала предметом подробных обсуждений в Оттаве и Москве и важным направлением работы советского посольства в Канаде. Посол подчеркивал, что гастроли будут иметь “важное политическое значение, способствуя развитию культурных связей между СССР и Канадой”; “уже первые сообщения о возможности гастролей Монреальского симфонического оркестра в СССР вызвали здесь самый живой и благоприятный отклик со стороны общественности”⁴³.

Арутюнян подробно описал в своем дневнике беседу с премьером-министром Канады Дж. Дифенбейкером и главой сената квебекцем и франкоканадцем М.Р. Друэнном, состоявшуюся 21 февраля 1962 г. Обсуждались главные вопросы международной повестки дня и советские предложения по сотрудничеству с американцами по мирному освоению космоса. Дифенбейкер был настроен критично в отношении советских инициатив, но приветствовал культурные обмены. Друэн “более благоприятно отнесся

³⁹ Там же, д. 1896, л. 94–95.

⁴⁰ Там же, л. 162.

⁴¹ Там же, л. 73.

⁴² Там же, д. 2234, л. 70.

⁴³ Там же, д. 2329, оп. 8, д. 1896, л.33–34.

к предложениям Н.С. Хрущева”, хотя также говорил о “страхе перед СССР”. Друэн, “воодушевленный советскими закупками канадской пшеницы”, выразил готовность “оказать помощь в подъеме сельскохозяйственного производства в СССР”. Но “мы отнеслись к этому разговору сдержанно”, отмечал посол.

Друэн с удовольствием сообщил Арутюняну о решении Дифенбейкера, разрешающем ему, Друэну, “поехать в СССР вместе с Монреальским оркестром”. Арутюнян писал, что “Друэн счел нужным подчеркнуть, что, в отличие от некоторых государственных деятелей Канады, он является человеком с широким кругозором и старается понимать, что происходит в Советском Союзе, относится к нашим усилиям по повышению благосостояния советских людей с большой симпатией”⁴⁴.

С 20 апреля по 4 мая 1962 г. Монреальский симфонический оркестр в составе 100 человек и двух солистов – пианиста Р. Турини и певицы Т. Стратас дал 8 концертов в Москве, Киеве и Ленинграде. Поездка субсидировалась государственным Советом Канады, провинциальным правительством Квебека, муниципалитетом Монреаля и частными фирмами. Оркестр сопровождала группа официальных лиц и журналистов в составе 100 человек, среди которых были Друэн, председатель Совета искусств Монреаля Л. Лорти и другие лица.

В Советском Союзе с удовлетворением отмечали, что “интерес к культурным связям появился и развивается даже в провинции Квебек, которая до последнего времени не допускала ни выступлений советских артистов, ни проката советских фильмов. Монреальский симфонический оркестр явился первым канадским оркестром, выехавшим на гастрольную поездку за пределы Канады. Первое европейское турне канадского симфонического оркестра расценивается как важная веха в развитии культурной жизни Канады, отмечается в официальном бюллетене канадского МИДа... Успешные гастроли оркестра в СССР произвели в Канаде настолько большое впечатление, что даже канадская буржуазная печать сочла необходимым выступить с осуждением анти-советских демонстраций и пикетов, организованных в ряде городов Канады во время выступлений отдельных советских художественных коллективов”⁴⁵.

Во время пребывания Друэна в СССР вместе с Монреальским оркестром 25–27 апреля 1962 г. состоялись его встречи с руководителями Украинской ССР. Советская сторона воспользовалась удобным случаем, чтобы показать канадцам Украину с самой выгодной стороны, попытаться смягчить “в общем враждебную позицию Дифенбейкера по отношению к Советской Украине”.

В Киеве канадский гость, которого в СССР считали “сдержанным”, “скрытным” и “весьма умеренным во взглядах и высказываниях в отношении СССР”, вел себя “просто, корректно и тактично”. Друэн подчеркивал “свою лояльность по отношению к Советскому Союзу и неоднократно заявлял, что стоит на почве реальных фактов, в политике считает мирное сосуществование единственно возможной политикой в международных отношениях”. В Москве не сомневались, “что свою поездку в Киев Друэн предпринял по совету и рекомендации” премьера, его можно рассматривать как “специального эмиссара” Дифенбейкера, что есть надежда на то, что получится удержать канадцев от внесения резолюции на XVII сессии Генеральной Ассамблеи ООН, осуждающей “советский колониализм”⁴⁶.

Так и произошло: продолжая осуждать Советский Союз за “нарушение прав народов” и ограничение прав человека, канадцы все же воздержались от внесения в повестку дня XVII сессии Генеральной Ассамблеи резолюции, обвинявшей СССР в колониализме.

По возвращении в Канаду Друэн 24 октября 1962 г. (в самый разгар Карибского кризиса) направил теплое письмо Фурцевой с благодарностью “за дружелюбие в

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же, оп. 9, д. 289, л. 1–3.

⁴⁶ АВП РФ, ф. 99, оп. 28, п. 31, д. 21, л. 43; д. 15, л. 52–55.

реализации великолепного турне в Советскую страну Монреальского оркестра... Ваша сердечность и энтузиазм, проявленный Вашим народом по отношению к канадским артистам, нас очень тронули". Сенатор высказался за дальнейшее развитие советско-канадских культурных связей и выразил надежду на то, что они станут "все более частыми"⁴⁷. На письме Друзна стоит помета: "Фурцева ознакомлена"⁴⁸.

В 1962 г. в Канаде успешно гастролеровал Государственный ансамбль танца Украинской ССР в составе 100 человек, выступивший в главных городах провинций Онтарио и Квебек. В течение семи недель 57 артистов Московского цирка 47 раз выходили на канадские подмостки. Только обязательства перед Кубой, куда цирк направился из Квебека, не позволили этим гастролям продлиться дольше, как об этом хлопотал Кудрявцев. В Канаде с огромным успехом концертировали выдающиеся советские артисты Э. Гилельс, И. Ойстрах, В. Ашкенази, Д. Гнатюк. С 3 по 14 декабря 1962 г. в Торонто и Монреале дал 8 спектаклей балет Большого театра.

Учитывая, что канадский балет в то время находился в стадии становления, а советский выступал наследником великих традиций русского классического балета, отточенных в советской школе, можно понять тот интерес, который молодые канадские танцовщики питали к балетной школе и театрам Москвы и Ленинграда. Особенно плодотворные связи сложились у советских мастеров с артистами Виннипегского балета. Стажировки канадцев в советских театрах и школах, приглашения советских балетмейстеров и преподавателей в Оттаву, Торонто и Виннипег имели, казалось бы, исключительно профессиональное значение. Что касается канадцев, так оно и было. В советском же подходе четко просматривался и учет канадского антиамериканизма в любых его проявлениях: "За последнее время молодой канадский балет, которому оказывают поддержку круги, выступающие в противовес американцам за самостоятельное развитие национальной культуры, заметно проявляет стремление укрепить творческие связи с советским балетом. Канадский балет проявляет все больший интерес к советской балетной школе", – констатировал в 1962 г. советский посол в Канаде⁴⁹. Посольство всегда поддерживало планы стажировок канадской балетной молодежи в Советском Союзе, исходя из их "оправданности" и "политической целесообразности". Арутюнян "считал, что подобные мероприятия усилили бы влияние советской балетной школы на канадский балет"⁵⁰.

Отчеты советских специалистов сообщали о "внедрении советских методов преподавания" в канадских балетных школах, о том, что "все, и преподаватели, и ученики, мечтают приехать в Советский Союз", а "отношение канадцев исключительно доброжелательное и теплое... Ни одного недружественного слова или акта"⁵¹. Неоднократно работавший в Канаде с разрешения советских властей педагог Московского хореографического училища и артист балета Е. Валукин, судя по отчетам, не забывал рассказывать своим ученикам о том, что своими успехами советский балет обязан "неразрывной связью с жизнью страны. Наши танцовщики живут и воспитываются в коллективе, ощущают себя одним из звеньев социалистического общества". Валукин писал, что в Торонто ему "на практике, наглядно удалось убедиться, каким авторитетом и престижем пользуется советский балет и советские преподаватели хореографии во всем мире, как важна творческая агитация, творческая практика наших художников танца за рубежом"⁵².

Рассказывая об успешном развитии советско-канадских культурных связей, следует отметить особые заслуги Арутюняна – посла СССР в Канаде в 1958–1963 годы. Это был человек большой энергии, эрудиции и профессионализма. Ему пришлось работать в Канаде в очень интересный и непростой период двусторонних отношений,

⁴⁷ РГАЛИ, ф. 2329, оп. 8, д. 2236, л. 105–106.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же, л. 101.

⁵⁰ Там же, л. 74, 101.

⁵¹ Там же, д. 2513, л. 26–27; д. 1895, л. 14–15.

⁵² Там же, д. 2237, л. 6.

развивавшихся в контексте острых международных событий и внутренней борьбы в Канаде по вопросу ядерного вооружения страны и военного и политического партнерства с США. В СССР особенно пристально следили за дискуссиями вокруг канадо-американского ракетно-ядерного партнерства, поведением Канады во время Карибского кризиса, в ООН, в Британском Содружестве, в странах “третьего мира”.

Политические отношения между двумя странами складывались далеко не так благоприятно, как хотелось бы советской стороне. Достаточно упомянуть заявление правительства СССР правительству Канады от 14 июня 1962 г., сделанное в период избирательной кампании в этой стране, главным вопросом которой стали военно-политические обязательства Канады перед США и НАТО. В заявлении содержалось предостережение против “ядерного вооружения Канады”, которое “не может не сказаться отрицательно и непосредственно на советско-канадских отношениях”⁵³.

Тем не менее, анализ двусторонних культурных связей позволяет констатировать, что “холодная война” не оказывала непосредственного негативного влияния на их поступательное развитие вплоть до событий 1968 г. в Чехословакии, когда последовало серьезное охлаждение советско-канадских отношений.

Благоприятная ситуация в культурных обменах между двумя странами объяснялась в большой степени тем, что Советский Союз и Канада не сталкивались в острых конфликтах напрямую. Карибский кризис поставил на грань военного столкновения СССР и США. Канада, несмотря на свои союзнические атлантические обязательства, заняла сдержанную и выжидательную позицию. Более того, в беседах канадских дипломатов в Москве с их советскими коллегами они характеризовали двусторонние отношения как “вполне нормальные”: “холодная война” вызывала сожаление как “ненужная” борьба СССР с США, но не с Канадой, которая сожалеет о разделе мира на две части, и которая, являясь “средней державой”, “является как бы ветчиной в бутерброде и совсем не хочет, чтобы ее съевали”⁵⁴.

В апреле 1962 г. Арутюнян направил Фурцевой и председателю Государственного комитета по культурным связям с зарубежными странами С.К. Романовскому письмо, в котором дан всесторонний анализ состояния культурных связей между двумя странами, их политическое обоснование применительно к конкретным обстоятельствам двусторонних отношений: “За последние годы советско-канадские культурные связи значительно расширились, приняли устойчивый характер и по своему объему и своему значению стали чувствительными в культурной жизни Канады. Это имеет большое политическое значение в деле распространения здесь правды о Советском Союзе и укрепления авторитета СССР среди населения Канады и противодействия враждебной нам пропаганды известных элементов из правящих кругов и националистской антисоветской иммиграции... Нужно отметить, что канадцы сами начинают входить во вкус культурного обмена с Советским Союзом. Поездка в СССР Монреальского симфонического оркестра впервые открыла для художественных коллективов дорогу на мировую музыкальную художественную арену. Сама поездка оркестра в Москву, которая здесь рассматривается как современная музыкальная Мекка, оценивается как выдающееся событие в развитии музыкальной культуры в Канаде... Можно со всем основанием сказать, что наиболее важным элементом в культурном обмене Канады с границей стали к настоящему времени ее культурные связи с Советским Союзом... Интерес к культурному и научному обмену появился и развивается даже в провинции Квебек, которая до последнего времени не допускала (за исключением Монреаля, и то не во всех отношениях, например, был запрещен показ советских фильмов) организацию выступлений советских художественных коллективов и артистов... В Квебеке проживают французские канадцы, среди которых происходят в настоящее время интересные в политическом отношении и важные процессы вызревания национального

⁵³ Внешняя политика СССР. 1962. М., 1963, с. 234–236.

⁵⁴ АВП РФ, ф. 99, оп. 27, д. 7, л. 4; д. 8, л. 6, 13.

самосознания. В наших планах культурного и научного обмена целесообразно было бы учесть это обстоятельство”⁵⁵.

Посол обратил особое внимание на то, что “со стороны канадских властей мы не видим препятствий развитию культурного обмена между Канадой и СССР. Можно сказать, что они, в общем, относились благоприятно и оказывали известное содействие. Даже Дифенбейкер, который отличается своими антисоветскими выступлениями, сделал недавно, в связи с поездкой Монреальского симфонического оркестра в Советский Союз и Западную Европу, заявления, подчеркивающие положительное значение такого культурного обмена для облегчения международной напряженности”⁵⁶.

Арутюнян подробно остановился на самых важных сторонах культурных связей с точки зрения советских интересов в этой стране и внутренней и внешней политики обоих государств: «Культурный обмен между СССР и Канадой укрепляет позиции наших друзей, патриотов своей старой Родины, разлагает враждебные Советскому Союзу элементы, приближает “нейтралов” к нам. Поэтому важно, чтобы в плане наших культурных и научных связей с Канадой расширить посылку национальных артистических сил из союзных республик. Это имеет эффективное значение в разоблачении клеветнических кампаний Дифенбейкера о “советском колониализме”... Посольство просит не ослаблять в дальнейшем культурный обмен с Канадой и, по возможности, расширить советско-канадские культурные связи в 1963 г.». Посол просил министра своевременно информировать о тех культурных мероприятиях, которые планируются в Канаде “попутно” с США, чтобы посольство не упустило возможности “использовать их в политико-дипломатической работе”. Арутюнян еще раз подчеркнул, что основные мероприятия следует проводить “без посредничества американских импресарио, непосредственно через канадские организации. Это целесообразно как в политическом отношении, так и в организационно-финансовом”. Посол просил Москву лучше освещать в советской печати, “и особенно в нашей пропаганде на Канаду, мероприятия, которые проводятся по культурному обмену”: “Вы, безусловно, согласитесь, что эти культурные мероприятия проводятся не только и даже не столько во имя самих мероприятий, но и для того, чтобы они получили широкий общественный резонанс в целях распространения в Канаде правды о Советском Союзе и дальнейшего улучшения советско-канадских отношений”⁵⁷.

Встречаясь с представителями канадских общественных и культурных кругов, посол никогда не упускал возможности для разъяснения советской внешнеполитической позиции. 18 января 1961 г. Арутюнян принимал в посольстве Ж. Боудри⁵⁸, который к тому времени уже дважды гастролировал в Советском Союзе и получил заслуженную репутацию “прогрессивного” человека, каким только и может быть “друг Советского Союза”. Собеседники обсуждали канадскую музыку, оперу, балет, посол интересовался, кто из канадских артистов мог бы успешно выступить в Советском Союзе. Боудри отметил “зачаточный” уровень развития канадской национальной музыкальной культуры. По его словам, “опера, как известно, в Канаде не существует”. Он назвал двух композиторов: Ж.П. Кутюр и Р. Маттона, которые “написали кое-что интересное”. Канадец “спросил, почему до сих пор продолжается организация гастролей в Канаде через посредничество американских импресарио... что материально невыгодно ни канадским, ни советским артистам давать возможность американским импресарио дополнительно обогащаться... У него складывается впечатление, что Министерство культуры СССР не хочет иметь дело непосредственно с канадскими импресарио”⁵⁹.

⁵⁵ Учитывая “французский фактор”, дипломаты проявляли особое уважение к франко-канадской культурной традиции. – РГАЛИ, ф. 2329, оп. 8, д. 2234, л. 49–50.

⁵⁶ Там же, л. 50.

⁵⁷ Там же, л. 51–54.

⁵⁸ В советских документах он фигурирует как Бодри.

⁵⁹ Боудри первым из североамериканских дирижеров приехал на гастроли в СССР. – РГАЛИ, ф. 2329, д. 1896, л. 51–53.

Арутюнян возразил, что “это не простое дело... постепенно все будет улажено”. Далее в разговоре был затронут “вопрос о войне и мире. Бодри высказал беспокойство, что Куба может стать пунктом, откуда начнется мировая война. Он допускает, что США могут предпринять в отношении Кубы военные действия, и спрашивал, неужели Советский Союз из-за Кубы может рискнуть предпринять военные действия, которые будут означать развязывание мировой войны... Разъяснил Бодри, что не действия СССР, а действия США в таком случае привели бы к развязыванию войны. Бодри пытался найти различия в позициях США и СССР в отношении Кубы, считая, что географическое положение Кубы делает этот остров исключительно важным для обороны США. Разъяснил ему несостоятельность такой аргументации, напомнил ему, что США построили свои военные базы недалеко от советских границ, что возможное военное нападение на Кубу нужно рассматривать как звено в цепи военных провокаций США, и если позволить им действовать сегодня против Кубы, завтра они выступят в другом месте, и так они безнаказанно будут вмешиваться в дела других государств. Бодри в конце концов согласился с этим. Он говорил о значительных антиамериканских настроениях в Канаде, подчеркивал, что в Квебеке и вообще французские канадцы по всей стране не любят американцев, что в этом отношении французы немало учат канадцев англосаксонского происхождения. Он даже допускает, что без французских канадцев Канада давно уже превратилась бы в один из штатов США”⁶⁰. Далекий от политики канадский музыкант все же высказался в духе, желаемом для советского собеседника.

Успешное развитие двусторонних культурных связей в тот период не означало отсутствия проблем. Однако чаще всего трудности возникали вследствие бюрократической волокиты со стороны советских чиновников, а не по политическим причинам. В список неудач в развитии культурного сотрудничества можно включить первую выставку советского изобразительного искусства в Канаде (1960 г.), несостоявшийся приезд в Москву шекспировского Стратфордского театра, неучастие СССР в ряде полезных культурных событий в Канаде.

И все же благодаря усилиям Арутюняна в СССР состоялись успешные гастроли канадского композитора и дирижера А. Бротта, сначала отвергнутого московскими чиновниками за “посредственность”. Бротт удостоился затем приема у премьера страны, “который был удовлетворен его успехом”⁶¹. В 1963 г. канадский фотохудожник Ю. Карш получил разрешение на фотосъемку советских государственных и партийных деятелей, чьи портреты украсили специальный выпуск журнала “Лайф”, полностью посвященный Советскому Союзу⁶².

Таким образом, 1950-е – начало 1960-х годов были важным этапом в истории культурных связей между Советским Союзом и Канадой. По инициативе правящих, деловых и творческих кругов Канады культурные связи между двумя странами стали выстраиваться независимо от США, на самостоятельной основе. В условиях советско-американского соперничества это отвечало и стремлению СССР к расширению, насколько это было возможным, своего влияния в Канаде. Для СССР не было лучшего доказательства превосходства своего строя, чем непревзойденный уровень советских артистов и музыкантов. Все преимущества в “культурной дипломатии” находились тогда на советской стороне, в отличие от политики, полной противоречий, и отрицательного для СССР торгового баланса.

Политический эффект советско-канадских культурных связей оказался максимально выгодным для СССР. Они неизбежно приобретали самостоятельную значимость, принося радость широкой публике и профессионалам в обеих странах и действительно способствуя взаимопониманию народов Канады и СССР.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Там же, оп. 9, д. 289, л. 4.

⁶² Life, 13.IX.1963.